

ЧЕТЫРЕ СЛОВА

О ЛЮБОСТЯНИИ,

сказанныя на пасхахъ въ теченіе великаго поста
(въ 1876 году).

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Прежде шести дней пасхи приде Иисусъ въ Виванію, идяже бѣ Лазарь умерый, его же воскреси отъ мертвыхъ. Сотвориши же ему вечерю ту, и Марѳа служаше: Лазарь же единъ бѣ отъ возлежащихъ съ нимъ. Марія же приемиши литру мѳра нарда истинна многочинна, помаза нозѣ Иисусовѣ, и отре власы своими нозѣ его: хранима же исполнися отъ вони масти благовонныя. Глагола же единъ отъ ученикъ его, Иуда Симоновъ Искариотскій, иже хотяше его предати: чесо ради мѳро сіе не продано бысть на трезъ стѣхъ пшяль, и дано нищимъ? Сіе же рече, не яко о нищихъ печашеся, но яко татѣ бѣ, и ковчежецъ имѣяше, и вметаема пошаше (Іоан. XII, 1—6).

Изъ словъ Евангелиста, только что повторенныхъ мною, предугадываетъ, полагаю, любовь ваша, куда моя рѣчь хочеть склонить ваше благочестивое вниманіе.

Мы хотимъ обратить ваше вниманіе на ту страсть, которая одного изъ апостоловъ, впоследствии ниспаднаго изъ лнка апостольсваго, заставляла выражать открытое сожалѣніе о напрасной трагѣ драгоцѣннаго мѳра, возліяннаго на ноги Спасителя, или денегъ, употребленныхъ на это дѣло любви, заслужившее похвалу отъ Господа. Эта страсть — любостяжаніе: она заставляеть насъ стремиться въ живыя, и обо-

гашенію, употреблять разныя средства къ умноженію имѣній и капиталовъ, какіе находятся въ нашемъ вѣдѣніи, и не знаетъ никакой грани, дойдя до которой человекъ могъ бы сказать: »довольно; больше мнѣ ничего не нужно.»

Можетъ быть, ваше благочестіе ожидаетъ въ настоящія минуты болѣе возвышенныхъ размышленій, и ваше благоговѣніе будетъ тяготиться тѣмъ, что мы въ часъ воспоминанія страстей Христовыхъ будемъ говорить о земномъ, а не о небесномъ, будемъ изображать не спасительныя страсти Христовы, а губительныя страсти человѣческія. Но ваше снисхожденіе проститъ намъ наше не безпричинное уклоненіе отъ вашихъ ожиданій. Уже вы слышали и еще нѣсколько разъ будете слышать исторію страстей Христовыхъ. И безъ участія нашего слова душа ваша полна священныхъ евангельскихъ воспоминаній. И въ короткій часъ, какой вы можете удѣлить нашей бесѣдѣ, намъ не измѣрить всей глубины божественной тайны, выразившейся въ искупительныхъ страданіяхъ Господа, не объять всей широты ея. Много сокровенныхъ силъ неба приготовили и устроили величайшее изъ событій, нынѣ нами воспоминаемое; много темныхъ силъ земли и ада обнаружили въ немъ свое дѣйствіе. Не пытаюсь объять своею мыслию всего сплетенія божественныхъ и человѣческихъ нитей въ этомъ событіи, мы принимаемъ мыслию къ одной силѣ, которая понуждала ученика Христова нынѣ сожалѣть о потерѣ драгоценнаго мѣста, на другой день идти къ первосвященникамъ и предлагать имъ: *что ми хотите дати. и азъ вамъ предамъ его* (Матѣ. XXVI, 15)? а на третій довела его до ужасной смерти и конечнаго отверженія.

Мы склоняемъ свое и ваше вниманіе къ этой темной силѣ потому, что видимъ въ современномъ поблѣвнн прязпаки веумѣреннаго распространенія и преобладанія ея. Это наша общая болѣзнь, а къ больному мѣсту невольно чувствителенъ

Труды Киевской дух. Акад. т. 1, 17

человѣкъ, и нудится чаще обыкновеннаго говорить о томъ, что болитъ у него. Вы скажете: всегда была эта страсть въ человѣчествѣ, и никогда не умреть она, пока живо грѣховное сердце человеческое. Это правда; но развитіе ея, большее или меньшее ея распространеніе и господство видоизмѣняются по времени и обстоятельствамъ. Въ иное время люди служатъ одному идолу, въ другое время—другому; иногда одна страсть (напримѣръ стремленіе къ вольностямъ и необузданной свободѣ) подчиняетъ себѣ измѣнчивую волю человѣческую, другой разъ—другая. Нынѣ время положительнаго разсчета, матеріалистическихъ воззрѣній и матеріалистическихъ стремленій по преимуществу. Внѣшнія усовершенствованія по разнымъ отраслямъ человѣческой дѣятельности достигли высшей степени развитія; созданы удобства жизни, о какихъ и не мечтали наши дѣды; жгучія возбужденныя потребности и прихоти нашей природы, избалованной новыми жизненными удобствами, растутъ быстрѣе, чѣмъ средства удовлетворенія, и открывается всеобщая усиленная погоня за деньгами, какъ средствами къ удовлетворенію возбужденныхъ потребностей. При ней люди на всѣ вещи, явленія и пріобрѣтенія смотрятъ съ точки зрѣнія пользы и выгоды, и мѣрою внѣшней выгоды оцѣниваютъ достоинство всего, что подпадаетъ глазу человѣческому. Широка и необозрима область, въ которой призванъ трудиться богоподобный человѣкъ. По духу вѣка суживаетъ эту область и тираннически хочетъ заставить всѣхъ служить одной мамонѣ. Великія произведенія творческаго духа человѣческаго, составляющія славу вѣка и народа, въ наше время часто не находятъ себѣ признанія; потому что ни гроша не прибавляютъ къ тому богатству, ни капли къ тому матеріальному довольству, на которомъ помѣшанъ современный человѣкъ. То, чѣмъ восхищались, чѣмъ цѣнили свою душу наши отцы, на нашихъ глазахъ современные судьи готовы равнять съ такими предметами, какъ наша

презрѣнная обувь и даже ставить ниже ихъ. Два десятилѣтія назадъ больше было простора для идеальныхъ возрѣвій и стремленій. Дѣятельность духа находила оцѣнку и признаніе себѣ не во имя внѣшней пользы отъ нея, а ради ея самой, по ея отношеніямъ къ высшимъ потребностямъ высшей природы: расчетъ не подчинялъ себѣ все и всѣхъ съ такою неодолимою силою, какъ нынѣ. Тогдашнее юношество, непримѣръ, увлекалось наукою прежде всего въ силу духовнаго значенія ея, и въ этомъ увлеченіи не видное мѣсто занимали соображенія о томъ, какъ великъ или какъ скуденъ будетъ матеріальный доходъ отъ того служенія, къ какому готовится наука и образованія. А нынѣ уже въ низшихъ школахъ полуразвившіяся дѣти мечтаютъ о доходной карьерѣ, и предназначаютъ себя къ такой отрасли знаній, которая сулитъ своимъ рабочимъ не разъясненіе глубокихъ вопросовъ жизни, даже не почести и славу, а сотни и тысячи рублей. Денежный расчетъ, расширяясь всюду, страшаетъ и гонитъ нынѣ съ своего насименнаго гнѣзда и святыню любви, благословляемой Богомъ. Въ нашемъ образованномъ обществѣ все рѣже и рѣже семейные союзы основываются на одной взаимной склонности двухъ лицъ, созданныхъ другъ для друга; для прочности союза ищутъ не человека, не друга, не его любви и преданности, а богатства и внѣшнихъ средствъ жизни и тотъ, по крайней мѣрѣ для большинства изъ насъ, показался бы несовременнымъ мечтателемъ, кто бы при избраніи семейнаго пути слѣдовалъ безкорыстному голосу сердечнаго чувства, въ надеждѣ на молодыя силы, способныя къ труду и промыслительную десницу Вышняго, не могущую оставить на произволъ случая благословляемою Имъ четоу. Молодости веселой, не озабоченной и улыбающейся нынѣ меньше, чѣмъ прежде: старческіе расчеты подтачиваютъ игривыя мечты бьющей чрезъ края жизни, и тлѣніемъ вѣютъ на цвѣтокъ, еще не успѣвшихъ распуститься. Если у каждаго человѣка долженъ

*

быть пережить поэтический періодъ, то, въ наши годы, упоко-
лѣнія расчетливаго и корыстнаго онъ сократился до крайнихъ
размѣровъ. Мы не хотимъ винить наше юншество за его
корыстное направленіе. Мы сами невольники той страсти, кото-
рой вмѣстѣ съ нами и оно поддается. Мы сами его такъ вос-
питали, сами едва не съ колыбели напентываемъ ему грезы и же-
ланія, подсказываемыя намъ нашею любостязательностію. Что
дороже всего для насъ? Что ближе всего къ уму и сердцу
каждаго изъ насъ? Деньги, деньги и деньги. Надъ чѣмъ мы
болѣе всего напрягаемъ свою голову? Не надъ изысканіемъ ли
средствъ къ своему обогащенію? Какое самое завѣтное желаніе и
какая заманчивая надежда, то и дѣло, навѣщаютъ сердца на-
ши? Это желаніе внезапнаго обогащенія,—это надежда на
слѣпой случай, который, при нынѣшнемъ необычайномъ и
разнообразномъ развитіи денежныхъ предпріятій, безъ нашихъ
усилій, въ одинъ часъ можетъ доставить намъ цѣлыя сотни
тысячъ.

Намъ кажется болѣзненнымъ такое напряженное стремленіе
къ деньгамъ. Между тѣмъ на обыкновенный, нынѣ утвердив-
шійся, взглядъ нѣтъ ничего естественнѣе этого стремленія, и
забота о приобрѣтеніи себѣ большаго и большаго обезпеченія
одинъ изъ видовъ благоразумія житейскаго. Сама природа, го-
ворять, побуждаетъ насъ изыскивать средства къ удовлетво-
ренію нашихъ развивающихся стремленій. И если эти изыска-
нія увѣнчиваются успѣхомъ, мы покупаемъ себѣ или дѣлаемъ
доступными для себя высшія блага человѣческія, обезвечива-
емъ свое семейство, приобрѣтаемъ возможность доставлять дѣ-
тямъ широкое образованіе, и приближаемъ себя къ тѣмъ бла-
городнымъ наслажденіямъ, которыя возвышаютъ насъ надъ
грязью и нечистою, въ бакую по неволѣ впадаетъ бѣдный
люди. Это признаніе законности болѣзненнаго стремленія на-
шего новая причина къ тому, чтобы ближе присмотрѣться къ нему.

Далѣе, другія страсти чловѣческія низки и неприглядны по самому существу своему. Возьмите зависть, злбную месть, распутство, пьянство. Такихъ страстей стыдятся тѣ, въ комъ гнѣздятся онѣ, и потому обладаемые ими стараются хоронити ихъ на днѣ души своей отъ глаза чловѣческаго. А страсть къ приобрѣтеніямъ стоитъ въ ряду обыкновенныхъ причыныхъ явленій нашей жизни. Съ нею нестыдно повазаться среди самаго избраннаго общества; дѣйствіями, совершаемыми по ея требованію, даже хвалятся иные люди, какъ свидѣтельствомъ того, что они умѣютъ жить въ свѣтѣ и устроить свое благополучіе. Многимъ и на мысль не приходитъ, чгобы здѣсь было что-нибудь ложное и неправильное. Напротивъ въ наше время могло бы вызвать недоумѣніе и невыгодныя взгляды на чловѣка его равнодушіе къ деньгамъ и безразсчетная трата ихъ на дѣла, не обѣщающія видимой пользы, подобно тому, какъ вызвалъ недоумѣіе и укоръ въ разсчитливомъ ученикѣ Спасителя безкорыстный поступокъ Маріи.

Наонецъ, мы не чувствуемъ грѣховной и разрушительной силы этой страсти. У насъ бѣдность слыветъ матерію и причиною пороковъ, а деньги—двигателемъ нравственнаго усовершенствованія. Онѣ имѣютъ силу кругомъ разливать благодѣнія, и чловѣкъ, стремящійся, къ нимъ какъ будто простираетъ руки къ плодамъ древа жизни, а не къ плодамъ вскусительнаго древа познанія добра и зла. Съ презрѣніемъ или съ фарисейскимъ самоуслажденіемъ иной богатъ смотритъ на бѣдняка, какъ будто стоящаго надъ пропастью, а себя считаетъ далекимъ отъ всѣхъ опасныхъ путей и причисляетъ къ благодатнымъ обитателямъ земнаго рая. А между тѣмъ, по слову Апостола, *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (I Тим. VI, 10), и если деньги сами по себѣ вещь безразличная, то стремленіе къ нимъ лютой звѣрь, отъ котораго родится множество дикихъ чудовищъ. Это гангрена, незамѣтно заражающая все

существо человека, если онъ благовременно не обратитъ на нее вниманія.

Въ виду этого мы просимъ любовь вашу присмотрѣться къ этому гостю, который ходитъ между нами, и котораго всѣ наперерывъ зазываютъ и въ хижины и въ палаты. Откуда явился онъ? Кто онъ? И чего мы можемъ ожидать отъ него? Другими словами, мы приглашаемъ васъ, братіе, уяснить себѣ причины господства, видъ и слѣдствія страсти любостыжанія, которая на глазахъ всѣхъ обращаетъ въ рабство себѣ людей разныхъ круговъ и сословій, и съ которою по крайней мѣрѣ многіе изъ насъ и не думаютъ бороться.

Было бы долго нынѣ же утомлять ваше вниманіе подробнымъ изслѣдованіемъ этого предмета, тѣмъ болѣе, что большинство изъ насъ, послѣ усиленной молитвы въ теченіе истекающей недѣли, готовится завтра приступить къ чашѣ Господней и требуетъ времени для освященія внутренней храмины души своей. Если будетъ благословеніе Божіе, управляющее нашими намѣреніями и поддерживающее силы наши, мы въ слѣдующія недѣли продолжимъ бесѣду съ вами, нынѣ начатую, и надѣемся, что при неоднократномъ обращеніи къ предмету, котораго мы рѣшились коснуться, если не наше слово, то ваше собственное размышленіе, возбуждаемое нашимъ словомъ, поможетъ вамъ уяснить то повсюдное явленіе, къ которому мы приглядѣлись, и мимо котораго проходимъ безъ всякаго вниманія. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Почто ибелъ сія мѣрная бысть? Можаше бо сіе продано быти вѣцше трехъ сотъ пѣназь, и датися нищимъ (Марк. XIV, 4—5).

Какое, по видному, справедливое и благоразумное представление! Жена, не отличающаяся особеннымъ богатствомъ, разбиваетъ алавастръ мѣра драгоценнаго и возливаетъ это мѣро на главу и ноги любимаго и высоко чтимаго ея Учителя! А мѣро это стоить болѣе 300 пѣназей! Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ эти 300 пѣназей употребить на чтонибудь полезное? Сколько нуждъ у каждаго изъ насъ! А если удовлетворены наши нужды, можно бы избытокъ раздать нищимъ, употребить на дѣло благотворенія, на дѣло образованія и т. под.—Не такъ ли бы и мы рассуждали, если бы видѣли на вечери жену, безъ пользы разливающую драгоценное мѣро? Это рассужденіе совершенно въ духѣ нашего времени, и если мы не пристаемъ къ нему, то потому, что знаемъ, что въ евангельской исторіи не одобрилъ его нашъ Господь и Спаситель, и потому, что открыто намъ, что это рассужденіе принадлежитъ Іудѣ, предателю своего Учителя. А быть похожимъ на Іуду Искаріотскаго кто захочетъ изъ насъ? Это имя слишкомъ ненавистно для христіанскаго слуха.

Между тѣмъ отвлечемъ вниманіе отъ евангельскаго случая, и обратимъ свои взоры кругомъ себя на нашу обыденную движущуюся жизнь. Тамъ и сямъ не слышится ли сужденій, напоминающихъ собою сужденія Іуды? Одни выражаютъ сожалѣніе о томъ, какъ много народъ и его богатство теряетъ отъ того, что у насъ много праздниковъ, въ которые церковь приглашаетъ вѣрныхъ сыновъ своихъ заняться своею душою и удовлетвореніемъ ея высшихъ потребностей. Другіе считаютъ

неразуміемъ, когда благочестивая душа, по движенію благоговѣйнаго чувства, удѣляетъ часть отъ избытковъ своихъ на украшеніе храма и благолѣпіе дома Божія, и такія жертвы готовы встрѣчать словомъ укоризны и даже негодованія. Третья самое дѣло благотворенія нищимъ представляютъ поощреніемъ праздному тунеядству. Четвертые.... Но за чѣмъ намъ приводить примѣры корыстныхъ сужденій изъ чужаго опыта, когда въ своемъ сердцѣ мы можемъ ощущать вѣяніе того любостажательнаго духа, который умѣлъ найти себѣ доступъ даже въ святое общество учениковъ Христовыхъ. Скажите, изъ-за чего мы болѣе всего суетимся, если не изъ-за корысти? Чѣмъ болѣе всего тревожимся, какъ не назойливыми заботами о пріобрѣтеніяхъ, какъ не опасеніями за цѣлость нашихъ пріобрѣтеній? Настаетъ утро,—открывается работа собиранія, поднимается трудъ, и корысть является здѣсь, чтобы поддержать бодрость и энергію трудящихся, чтобы въ матеріальномъ прибыткѣ указать награду и цѣль труда. Куда мы ни поидемъ, за нами неотступно слѣдуетъ духъ разчета, возбуждающій въ насъ жажду въ пріобрѣтеніяхъ.

Откуда это въ насъ?

Вы укажете на волю и побужденія самой природы нашей, на то естественное стремленіе, которое на ученomъ языкѣ называется инстинктомъ, по которому каждый день послѣ воссіянія солнца, все живущее,—и птицы и звѣри идутъ добывать пищу себѣ, и которому вмѣстѣ со всѣмъ живущимъ подчиненъ и властелинъ природы—человѣкъ. Вы укажете на требованія человѣческаго благоразумія, которое заставляетъ насъ помышлять о будущемъ и запасать деньги на черные дни, и которое не должно отдавать внѣшнее благополучіе человѣка на волю капризнаго случая и слѣпыхъ обстоятельствъ. Вы сошлетесь на сложившійся съ годами порядокъ жизни, на дороговизну содержанія, готовую возвышаться съ каждымъ

днемъ, на усложняющія трудности приобрѣтенія необходимаго для удовлетворенія нуждъ самыхъ насущныхъ и неотложныхъ, на необходимость жить, одѣваться и держать себя въ обществѣ прилично своему званію и въ соотвѣтствіе современному вкусу, который имѣеть для насъ обязательную силу закона.

Всѣ эти представленія имѣють свою цѣну. Указанныя сейчасъ причины любостыжательныхъ стремленій, нами овладѣвающихъ (внѣшность природы, голосъ благоразумія и тяжелыя обстоятельства современнаго склада жизни),—не могутъ не производить на насъ своего дѣйствія. Въ нихъ дѣйствительно корень, изъ котораго вырастають тысячи нашихъ суетливыхъ и корыстныхъ заботъ. И было бы жесткимъ и, можетъ быть, несправедливымъ судомъ, если бы мы, отъ лица церкви, призывали грозныя прещенія на людей за подчиненіе дѣйствію причинъ, не нашею волею созданныхъ. Но мы просимъ насъ вмѣстѣ съ нами поближе присмотрѣться къ тѣмъ силамъ, которымъ мы работаемъ, и которыя заставляютъ насъ изо дня въ день служить корысти.

Человѣкъ слѣдуетъ влеченію природы, когда ищетъ приобрѣтеній, обезпечивающихъ его существованіе. Но ужели наша безсмертная душа такъ создана, что ей суждено вѣкъ хлопотать изъ-за хлѣба и изъ-за денегъ, въ которыхъ сосредоточиваются наши приобрѣтенія? Правда, человѣкъ призванъ на трудъ, и тяжелымъ трудомъ долженъ поддерживать себя. Этотъ долгъ указанъ человѣку еще въ лицѣ нашего общаго прародителя, которому послѣ грѣхопаденія сказано Создателемъ непреложное слово: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печальхъ съѣси тую вся дни живота твоего.. Въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши ся въ землю, отъ неяже взяты еси* (Быт. III, 17. 19). Со времени изреченія этого приговора трудится человѣкъ для добыванія себѣ хлѣба и въ полѣ и въ морѣ, и въ городѣ и

въ селахъ, и дома, и на улицахъ и торжищахъ. Но вѣдь это не ископный порядокъ нашей жизни; это стремленіе не вложено съ неба въ нашу душу; его не было въ томъ дуновеніи, которое Богъ сообщалъ персти земной, когда творилъ человекъ въ душу живу. Это проклятіе, постигшее насъ за наше грѣхъпаденіе, за уклоненіе наше отъ перваго пути блаженства, намъ предуказаннаго. Безропотно должны мы нести приговоръ правды Божіей; но выполненіе наказанія дѣлать главнымъ своимъ стремленіемъ, въ немъ полагать послѣднюю мѣру своихъ желаній и свое существенное благо—это недостойно небесной души нашей. Проклятіе ко всѣмъ относится; но люди высшаго призванія, люди, думающіе объ улучшеніи и возвышеніи своего жребія, умѣютъ побѣждать въ себѣ силу, притягивающую и сдвоняющую къ землѣ духъ нашъ. Намъ указана забота о необходимомъ; хлѣба насущнаго и на настоящій день заповѣдано намъ просить у Отца небеснаго. Но кто изъ насъ довольствуется необходимымъ? Кто поэтому не расширяетъ хлопотливыхъ заботъ, какими связана наша прарода послѣ грѣхъпаденія, до размѣровъ, далеко превышающихъ степень наказанія, наложеннаго на насъ въ Эдемѣ? Не лучше ли намъ, чѣмъ увлекаться безповойнымъ духомъ стяжанія, полагаться на волю Провидѣнія, неусыпно бдящаго надъ нами? Оно надежнѣе обезпечиваетъ насъ, чѣмъ можемъ обезпечить мы себя своими нескончаемыми заботами. Намъ необходима пища и питіе; нужна одежда. Припомните, что говорилъ Спаситель и Гробоудъ нашъ по поводу нашей заботливости о тѣлѣ своемъ. *Воззрите на птицы небесныя (говорилъ Онъ), яко не стуютъ, ни окнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучши ихъ есте? Кто же отъ васъ некійся можетъ приложить возрасту своему лакоть едины? И о одежди что пѣчетесь? Смотрите крикъ сѣльныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ.*

Слова о известности...

Главою же вамъ, яко ты Соломонъ во всей славе своей облеченъ, яко единъ оиъ силъ. Аще же сѣю сельное, днѣи суица и уири въ поицѣ сметаемо, Багъ тако одѣваетъ, не мною ли паче васъ, малопри? Не пейцтѣся убо, славоице: что ямы или что тѣмъ, или чимъ одеждемъ? Вспѣхъ бо силъ язицы имути: естъ бо Отецъ вашъ небесный, яко потребуе силъ оиъхъ (Матѣ. VI, 27—32).

Сильно и утѣшительно это слово нашего Господа. Но наша боязливая мнительность не успокоивается на такихъ представлѣнiяхъ. Житейская мудрость влечетъ насъ на путь приобрѣтенiй, могущихъ спасти насъ отъ лишенiй въ тяжелые дни и доставить намъ много полезнаго и прiятнаго въ жизни. А тайный голосъ сердца шепчетъ намъ: „для того вы и возвышены надъ животными, для того и отличены разумомъ, чтобы въ жизни своей не доврѣяться случаю, а бережливе и тверже устроить свое благосостоянiе“. И вотъ, за удовлетворенiемъ злости настоящаго дня, начинается безпокойное помеченiе о завтешнемъ днѣ, за удовлетворенiемъ своихъ потребностей является забота объ обезпеченiи семейства, дѣтей и потомковъ. Человѣкъ вступаетъ на скольскую дорогу, а стѣбитъ разъ вступить на нее, духъ стяжанiя съ неудержимою силою увлечетъ насъ по ней въ непроглядную даль. Это тѣмъ удобнѣе въ настоящее время, что вокругъ насъ слишвомъ много соблазнительныхъ средствъ къ быстрому обогащенiю. Одне подлѣ другаго стоятъ съ ежедневно открытыми дверями благодѣтельная казнохранилища, въ которыя одни несутъ своя капиталы для болѣе высокаго роста, и изъ которыхъ другiе свободною рукою берутъ ихъ для предирiятiй, общающихся имъ заманчивыя прибыли. Безъ собственныхъ денегъ нынѣ можно строить громадныя палаты, доходы съ которыхъ, по расчетамъ строителей, не только покроятъ долгъ, на нихъ употребленный, но и дадутъ обильныя средства для роскошной жизни. Съ каждымъ

годомъ возникаютъ новыя товарищества для строенія заводовъ, путей сообщенія и другихъ доходныхъ статей, приглашающія къ участию ищущихъ обогащенія и общающія громадные барыши отъ своихъ предпріятій.

Мы не осуждаемъ добрыхъ учрежденій, создаваемыхъ усердіемъ къ благу общественному. Но лихорадочная дѣятельность, открывающаяся на углаженномъ пути къ стяжаніямъ, требуетъ удержанія и вызываетъ слово предостереженія; и мы скажемъ его не отъ себя, а отъ имени Господа и Спасителя нашего: *не печитесь ни утрей; утреній бо собою печется: доволтъ днесь злоба ея* (Матѳ. VI, 34). То, что дѣлается и предпринимается по мудрому расчету человѣческому, часто оказывается, по испытаніи временемъ, очень неразумнымъ. Заманчивые проекты и предпріятія, по видимому, самыя основательныя часто лопаются, какъ мыльный пузырь, и въ концѣ своемъ ничего не оставляютъ, кромѣ напрасной траты и глубокаго разочарованія. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудитесь зиждущіи* (Псал. CXXVI, 1). Это священное слово нужно помнить всѣмъ, приступающимъ къ исполненію какихъ либо выгодныхъ предпріятій. Они сулятъ себѣ золотыя горы, и на счетъ ожидаемыхъ благъ отягощаютъ себя крупными долгами. Но проходитъ время,—долги растутъ и осязательнѣе даютъ чувствовать свою силу, чѣмъ воображаемыя блага. Подъ тяжестью ноши, образуемой изъ нихъ, часто предпринимчивый человѣкъ падаетъ, не достигши земли обѣтованія. И вотъ на нашихъ глазахъ одни трудятся, а другіе входятъ въ ихъ трудъ или пользуются его плодами, одни строятъ домъ, а другіе живутъ въ немъ. Но если и удача уѣбнчиваетъ ваши предпріятія, не спѣшите ликовать. Вамъ извѣстна притча Спасителя о томъ, какъ у одного богатаго человѣка былъ отличный урожай въ полѣ, и какъ онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? куда собрать плоды мов? Онъ рѣшилъ: сломаю

житвицы мои и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое, и скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: почивай, ѣшь, пей и веселись! Но что было концомъ такихъ расчетовъ? Богъ сказалъ богатому: *безумне, въ сію ночь душу твою истляжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. XII, 16--20)? Примѣръ разительный! Но подобные ему могутъ встрѣчаться постоянно, и вы можете видѣть ихъ и въ средѣ, близкой къ намъ. Иной всѣ силы своего ума и своей изворотливости прилагаетъ къ тому, чтобы нажить и сконять себѣ большое состояніе. Труды его увѣнчаны успѣхомъ: онъ владѣлецъ сотенъ тысячъ, если не милліоновъ. Оставалось ему сказать душѣ своей: почивай, ѣшь, пей и веселись! Но въ это время надрывается его здоровье; рядомъ съ девольствомъ, возбуждающимъ зависть въ сверстникахъ, вторгается къ нему неизлѣлимая болѣзнь, и жизнь ему становится не въ радость, а въ тягость. А что собралъ онъ, кому то останется? Останется дѣтямъ, которые будутъ наслаждаться плодами родительскихъ стяжаній? Да, забота о дѣтяхъ священная обязанность родителей. Но не обольщайте себя тѣмъ, что деньгами можно составить ихъ благосостояніе. Если хотите ихъ сдѣлать счастливыми, обогащайте ихъ не деньгами, а добрыми правилами жизни и честными нравами; не собирайте имъ тяжелого наслѣдства, а давайте имъ твердое религиозное воспитаніе. Довольство и благо наше не зависятъ отъ обилія имѣній, а отъ чистоты души и безупречной жизни. Иногда скучаютъ и тяготятся живнію чинѣ и озруженные всю полнотою внѣшняго довольства. Богатое наслѣдство—огонь, отъ котораго часто возгарается пожаръ, уничтожающій семейное благо. Не видимъ ли мы, что оно сѣетъ непримиримую вражду въ честныхъ семействахъ, прежде отличавшихся согласіемъ? Не видимъ ли мы, какъ оно изподъ тихаго домашняго крова прогоняетъ миръ и любовь, и

вооружаетъ другъ противъ друга братьевъ и сестеръ, родителей и дѣтей, и наперекоръ законамъ природы влечить ихъ на судилище, для восстановления нарушенныхъ отношеній между кровными родственниками?

При объясненіи и оправданіи стяжательныхъ стремленій, овладѣвшихъ нашимъ поколѣніемъ, съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на непоумѣрную дороговизну содержанія въ наше время. На нашихъ глазахъ въ какіе нибудь пять, десять лѣтъ цѣны на всѣ предметы, относящіяся къ домашнему обиходу, возвысились вдвое, втрое противъ прежняго. Для пріобрѣтенія необходимаго въ жизни намъ нужно гораздо больше того, чѣмъ довольствовались наши отцы и дѣти. Что прежде считалось капиталомъ, достаточнымъ для роскошной жизни, то нынѣ сдѣлалось малостию, исчезающею въ крупныхъ расходахъ. Въ виду этого, мы всѣ съ усиленными заботами хлопочемъ объ увеличеніи своихъ жизненныхъ средствъ.

Но дороговизна жизни только предлогъ въ оправданію любостыжательныхъ стремленій, а не законная причина ихъ: въ существѣ дѣла она вещь не страшная. Мы дороже стали платить за все, за то дороже и больше стали получать за все,— за трудъ, за свои работы и произведенія. Бѣльшіе этого нашихъ расходовъ уравниваются большими суммами нашихъ доходовъ, такъ что въ дороговизнѣ нѣтъ справедливаго повода къ усилению нашей стяжательности.

Но вы не находите возможнымъ, при нынѣшней дороговизнѣ, соблюсти желаемое равновѣсіе между доходами и расходами. Хотите,—мы укажемъ средство къ тому, которое сдѣлаетъ для васъ не такъ чувствительною всѣхъ тяготящую дороговизну, и напередъ ручаемся за дѣйствительность этого средства? Ручаемся потому, что это средство предлагается не нашею малоопытностію, а заботливою мудростию церкви. Это средство—умѣренность и ограниченіе нашихъ желаній. Умѣрьте

свои желанія, ограничьте свои потребности, и васъ не будетъ страшить дороговизна, и вы будете довольны тѣмъ, что дано вамъ. У васъ прежде въ столѣ было четыре блюда, теперь довольствуйтесь тремя; если было три, ограничьте двумя. Вы прежде могли носить одежду изъ шелка и бархата, теперь одѣвайтесь войлокомъ и льномъ. Вы прежде часто давали роскошные пиры и вечера, теперь откажитесь отъ этого удовольствія, или по крайней мѣрѣ рѣже позволяйте себѣ подобныя расходы. Вы прежде считали нужнымъ хотя изрѣдка посѣщать мѣста общественныхъ увеселеній: въ чему теперь эта роскошь, когда такъ многого требуетъ удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей? Не правда-ли, что въ этомъ средствѣ есть дѣйствительное лекарство противъ дороговизны?—Но намъ, скажете вы, нельзя отставать отъ другихъ: нужно жить такъ, какъ другіе живутъ... Зачѣмъ слѣпо, во вреду себѣ, увлекаться чужимъ примѣромъ? Покажите, соблюдайте свою самостоятельность, достойную человѣка съ волею и характеромъ. Можетъ быть, другіе, которымъ вы силитесь подражать, располагаютъ большими средствами, чѣмъ вы. А если нѣтъ, то слушайте своего разсудка, а не слѣдуйте чужой неравсчитливости. Скорѣе покажите добрый примѣръ другимъ, чѣмъ сами слѣдуйте разорительнымъ примѣрамъ. Кому же нибудь нужно стать на путь благоразумія, и повѣрьте, никто не осудитъ васъ, если будете жить по разсчету благоразумія, а не по слѣпому увлеченію. Напротивъ, вашъ примѣръ можетъ быть возбуждательнымъ и назидательнымъ урокомъ для другихъ, и имъ вы тогда не себѣ только принесете благо, но и ближнему своему, и заслужите благодарность, а не осужденіе.

Мы опасаемся, что совѣтъ умѣренности и воздержанія, предлагаемый жалующимся на дороговизну, покажется неудобопріемлемымъ для васъ. Всѣми нами овладѣла страсть къ наслажденіямъ, и въ существѣ дѣла не дороговизна, а всѣми

охлаждаемая, а эта страсть въ наслажденіяхъ возбуждаетъ въ насъ духъ стяжательности. Матеріальныя удобства, какими наше изобрѣтательное время оставило нашу жизнь, раздражали нашу чувственность. Разнообразныя удовольствія, открытыя на всѣхъ путяхъ, манятъ въ себѣ не одну пылкую юность. Всеобщая мода создаетъ и выставляетъ на показъ ослablительные предметы роскоши въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ и т. под. Вездѣ висятъ плоды древа, добрые для свѣдей, пріятные для глазъ, очаровательные для души. И не одна Ева,—мы веѣ, и безъ пособія змія искусителя, простираемъ къ нимъ руки, и вкушаемъ отъ плода запрещеннаго, не для насъ, не для нашихъ средствъ предназначеннаго. Изысканныя наряды, модныя уборы нынѣ видны даже среди слугъ. Дорогая мебель, шелковыя и бархатныя одежды являются и тамъ, гдѣ нужда заставляетъ разсчитывать каждую копѣйку. И вотъ, вслѣдствіе обращенія нашего къ запретнымъ предметамъ роскоши, открывається наша нагота или наша недостаточность, сознаніе которой гораздо больше мучитъ насъ, чѣмъ сколько наслажденія получаемъ мы отъ плода запрещеннаго. Отъ этой-то страсти къ наслажденіямъ происходитъ та странность, какая не можетъ не бросаться въ глаза внимательному наблюдателю: всѣ, отъ мала до велика, жалуются на недостатокъ средствъ, а между тѣмъ мѣста увеселеній, которыхъ нынѣ гораздо больше, чѣмъ прежде, постоянно полны, не смотря на дорогую плату, ими собираемую; говорятъ, что недостаетъ средствъ на необходимыя потребности, а между тѣмъ тратятъ многіе десятки, если не цѣлыя сотни, на одежды или головные уборы, въ которыхъ располагаютъ показаться только разъ или два, или устрояютъ пышныя цыры съ заморскими блюдами и винами, истощающіе богатство, довольное для себѣднаго существованія семейства въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Признаки нашего времени, полнаго матеріальныхъ удобствъ

и наслажденью; пробуждаютъ въ насъ воднопитанія, вызывающія и *алчущее* и особенную, осмотрительность. Когда-то, предъ концомъ древняго мира, при всемірномъ владычествѣ Рима, также, какъ и нынѣ, развитіе матеріальныхъ удобствъ достигло необыкновенныхъ предѣловъ. Каменные дороги, водопроводы, каналы, чудные мосты являлись всюду, куда ступала нога гражданина въянного города. Воздвигались великолѣпныя зданія, не только общественныя но и частныя; въ зданіяхъ блестящаго убраненія изъ золота и слоновой кости; своды покрывались дорогими фресками; мебель и столовые приборы изъ мрамора, золота, серебра и слоновой кости. Въ одеждахъ пурпурныя тѣла, часто съ изображеніями цѣлыхъ исторій, и драгоценныя каменя. На столахъ яства, привезенныя изъ далекихъ странъ, собранныя со всѣхъ царствъ природы. Всюду роскошь, всюду наслажденія, требовавшія безмѣрнаго напряженія денежныхъ средствъ у всѣхъ, гонявшихся за этими наслажденіями. Искусство жить доведено было до такой степени, какой не могло и представить воображеніе людей, умершихъ въ пору большей простоты житейской. Между тѣмъ, когда всѣ готовы были пить изъ открытой чаши наслажденій, и для удовлетворенія прихотямъ роскоши дѣлать усилія къ собиранію денежныхъ средствъ, погруженіе въ матеріальныя наслажденія потопило въ нихъ духъ съ его строгими законами, съ его высшими потребностями, и для исторіи въ вѣкъ необычайнаго внѣшняго преуспѣянія открылось зрѣлище безпримѣрнаго падевія человѣческаго. Попраніе религіи, униженіе цѣломудреннаго чувства нравственнаго, развращеніе нравовъ, при полномъ ослабленіи семейныхъ связей, дошедшее до чудовищныхъ размѣровъ—все это совершенно измѣняло видъ картины и набрасывало на нее мрачную тѣнь; все это, свидѣтельствуя объ одичаніи духа, было знаменіемъ разстройства общественной жизни, не предвѣщавшимъ ничего добраго въ

будущемъ. Если есть въ исторіи опасные примѣры униженія и гибели народа среди полного развитія матеріальныхъ наслажденій, тѣмъ съ большею осторожностію мы должны блюсти надъ собою, чтобы среди развитія житейскихъ удобствъ и множества наслажденій, предлагаемыхъ нашимъ временемъ, цѣлымъ сохранить свой духъ и его нравственное чувство, обращенное къ Богу и добродѣтели. Воздержаніе и ограниченіе своей чувственности съ ея прихотями—первое средство, къ какому въ томъ случаѣ мы можемъ прибѣгнуть. Проповѣдь объ умѣренности и воздержаніи слышалась и среди утонченнаго и роскошнаго древняго міра. Не послушалъ онъ этой проповѣди и приготовилъ себѣ гибель и отверженіе. Аминь.

В. Пшоникій.

ЧЕТЫРЕ СЛОВА

О ЛЮБОСТЯЖАНИИ,

сказанныя на пассяхъ въ теченіе великаго поста
(въ 1876 году).

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

Люблай сребро не насытится сребра: и кто насладится во множество его плода? и сіе суета... Сонъ сладокъ работающему, аще мало или много съестъ. а насытившагося богатство не оставляетъ уснуть. Есть недугъ, евоже видѣхъ подъ солнцемъ,—богатство транимо отъ стяжателя въ зло ему, и погибнетъ богатство оно въ попеченіи лукавнѣ: и роди сына и исть въ руцѣ его ничтоже. Якоже изыде изъ чрева матери своея нагъ, возвратится ити, якоже приде и ничтоже возметъ отъ труда своего, да понесетъ въ руцѣ своей. И сіе золъ недугъ: якоже бо приде, тако и отидетъ. И кака польза ему, ако трудится на вѣтрѣ? Ибо вси днѣ его во тьмѣ и плачи, и въ ярости мнози, и въ недугъ, и въ итьмѣ (Еккл. V, 9. 11--16).

Въ прошедшую пятницу, братіе, мы обращали ваше вниманіе на то, что заставляеть насъ исказь стяжаній, и оцѣнивали силу и достоинство побужденій, руководящихъ нами въ чинахъ: *збогливость, бѣ, умноженіи, сѣтлнй. Чнвѣ, труннземъ, на судъ свой самую страсть любостяжанія и посмотримъ, что такое она сама въ себѣ, по своему существу и что приносить*

она съ собою челоуѣку, поддающемуся ей, въ какое повергаетъ его состояніе.

При широкомъ разливѣ любостяжательной страсти въ нашемъ обществѣ, современный челоуѣкъ не хочетъ видѣть ея безобразія, не чувствуетъ ея тяжести и не бѣжитъ отъ нея. Смѣлымъ и гордымъ шагомъ выступаетъ она среди насъ, и гдѣ является, ее встрѣчаютъ не презрѣніе, не осмѣяніе, не сожалѣніе, а почетъ, одобреніе и поклоненіе. Какъ будто приходитъ она по зову души нашей! Какъ будто сулитъ она намъ только радости и удовольствія! Между тѣмъ богодуховенный проповѣдникъ, словами котораго мы предначала пынѣшнюю бесѣду съ вами, называетъ ее недугомъ и представляетъ недугомъ злымъ или тяжкимъ. Его зрѣніе поражено было видомъ этого недуга, когда онъ наблюдалъ и обозрѣвалъ различныя явленія подъ солнцемъ, и онъ въ наученіе вѣкамъ вписалъ въ святую книгу прочитанныя нами слова, выражающія глубокое сожалѣніе о любостяжателяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не назвать недугомъ любостяжанія, когда оно вноситъ разстройство въ міръ души нашей и нарушаетъ правильный порядокъ ея жизни? Къ Богу обращена душа наша, живущая Его зиждительнымъ дуновеніемъ; завися всецѣло отъ Него въ своемъ бытіи и въ своихъ дѣйствіяхъ, она влечется къ Нему своими желаніями и упованіями, и отъ Него одного получаетъ полное упокоеніе. А въ любостяжательномъ сердцѣ ослабѣваетъ и замираетъ эта сила, направляющая богозданную душу къ живому Источнику всякаго блага. Оно приковано всѣмъ своимъ существомъ въ мертвому кумиру, и свои надежды и пристрастія сосредоточиваетъ въ холодномъ металлѣ или въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ: какъ будто они могутъ восполнить то, чего недостаетъ душѣ нашей!—Какъ не назвать болѣзнію любостяжанія, когда для него тяжелы, когда ему противны основныя правила закона, отъ

соблюдения которыхъ зависитъ наша нравственная цѣлость и наше душевное здоровье,—именно самоотверженіе и любовь къ ближнимъ, простирающаяся до пожертвованія всёми своимъ состояніемъ? Какъ не назвать любостязанія болѣзнію, когда оно, овладѣвая душою, производитъ томленія, не испытываемыя нами при правильномъ теченіи нашей жизни? Слова Екклезіаста, нами приведенныя, взяты съ опыта и постоянно оправдываются опытомъ.

Екклесіасту жалкою суетою представляется работа любостязательнаго. Онъ ищетъ удовлетворенія своимъ желаніямъ, и не находитъ его; стяжаніями онъ думаетъ обезопасить свой покой, и создаетъ себѣ хлопоты; для наслажденій онъ собираетъ богатство, а въ замѣнъ того встрѣчаетъ лишенія.

Любляи сребро не насытитися сребра. Сребро или богатство то имѣетъ свойство, что по мѣрѣ увеличенія его усиливается въ человѣкѣ жажда къ нему. Нынѣ мой или вашъ знакомый думаетъ о сотняхъ. Но вотъ онъ приобрѣлъ искомыя сотни: не успѣвъ почувствовать минутнаго удовольствія, онъ испытываетъ новую и болѣе сильную алчбу,—онъ хочетъ тысячъ. Сотни казались ему достаточнымъ капиталомъ только тогда, когда онъ, ничего не имѣя, ласкалъ ими свое воображеніе. Явятся тысячи и станутъ достояніемъ ищущаго ихъ. Думаете, удовлетворится онъ ими? Тысячи имѣли важность для воображенія, издали мечтающаго о нихъ, а когда онъ есть въ дѣйствительности, по прежнему ощущается пустота въ душѣ. Воображеніе, какъ бичомъ гонимое страстію, бѣжитъ все далѣе и далѣе, и нѣтъ предѣла, на которомъ бы остановилась душа, пресытившись приобретеніями. Любостязаніе—это червь, все пожирающій и никогда не насыщаемый. Вы будете питать его; онъ будетъ расти и размножаться съ быстротою изумительною, и будетъ мучить васъ все новыми и новыми все большими и большими требованіями. Будете поддаваться

этимъ требованіямъ, вы не замѣтите, какъ разовьются внутри васъ цѣлыя вучи пожирающихъ червей, которые не будутъ давать вамъ покоя.—Понятна причина, по которой мы не можемъ насытиться серебромъ, какъ бы ни было много его у насъ. Душа наша можетъ питаться чѣмъ нибудь живымъ, чѣмъ нибудь однороднымъ ей, чѣмъ нибудь болѣе полнымъ, чѣмъ она. А какъ можетъ питаться ее бездушное серебро, не имѣющее въ себѣ мысли и духовнаго содержанія, и не могущее быть принятымъ душею? Только въ оболоченіи страсти душа можетъ искать чего нибудь для себя въ томъ, что для нея не существуетъ.

Сонъ сладокъ работающему, аще мало или много спитъ: а насытившаяся богатство не оставляетъ уснуть. Все дніе ея въ тьмѣ и плачи, и въ ярости мнози, и въ недугѣ, и въ мѣтѣ. Для покоя ищутъ богатства; а путь, ведущій къ нему, усѣянъ весь тревогами и приводитъ къ тревогамъ. Стяжанія не даются даромъ, нейдутъ прямо въ руки. Душа, гонящаяся за ними, какъ въ вихрѣ кружится день и ночь. Заботливыя и безпокойныя думы неотвязчиво преслѣдуютъ ее на всѣхъ путяхъ ея. Ищущій средствъ къ обогащенію перебираетъ въ головѣ своей разныя предположенія и планы. Завялся онъ однимъ дѣломъ; медленно ведетъ ово къ цѣли, не такъ щедро вознаграждаетъ его, какъ бы хотѣлось: онъ догадываетъ и негодуетъ. Чужая удача возбуждаетъ въ немъ рвеніе: онъ готовъ бросить то, чѣмъ началъ заниматься, и съ тоскою и безпокойствомъ смотритъ на путь другаго. Ошибки въ предположеніяхъ, большія предполагаемыхъ затраты на намѣченное дѣло, меньшія ожидаемыхъ выгоды отъ него—обыкновенное явленіе въ нашей жизни. Но когда есть любостязательная страсть въ душѣ, все это слишкомъ обыкновенно дѣйствуетъ на нее и мутитъ ее. Человѣкъ однимъ своими силами не можетъ совершить ни одного выгоднаго предпріятія;

въ каждомъ дѣлѣ ему необходимо содѣйствіе другихъ. Строить ли онъ домъ для выгоды: ему необходимо имѣть дѣло съ рабочими, ему нужно у разныхъ лицъ покупать матеріалы строительныя. Имѣеть ли поле, изъ котораго извлекаетъ средства къ обогащенію; къ чужому труду онъ долженъ прибѣгать, чтобы убрать произведенія земли, чужаго посредства искать, чтобы продать ихъ и обратитъ въ деньги. И тутъ-то поводъ для нескончаемаго гнѣва и многой ярости. Человѣка смущаетъ высокая плата, какой требуетъ отъ него рабочій или купецъ; онъ выходитъ изъ себя, когда видятъ лѣнивый трудъ поденщика или неаккуратное выполненіе той или другой работы, или когда говорятъ ему о недоброкачественности или высокой цѣнѣ матеріаловъ, имъ для себя пріобрѣтенныхъ. Онъ безпокоится, когда ему предлагаютъ за его произведенія цѣну меньшую той, какую онъ ожидалъ, или когда пропускаетъ благопріятное время для выгодной продажи своего и выгодной дешевой покупки чужаго. Тысячи такихъ случаевъ у человѣка, который ищетъ богатствъ. Опасенія, тяжелыя чувства, неровныя біенія сердца и частыя взрывы взволнованной души—вотъ изъ чего слагаются дни его. Часто иные съ завистію смотрятъ на то, какъ одинъ ихъ знакомый построилъ огромный домъ, приносящій ему большой доходъ, другой купилъ большое выгодное имѣніе, у третьяго положенъ былъ въ ростъ значительный капиталъ. Не думайте, что эти блага дались имъ безъ изнурительныхъ хлопотъ. Спросите ихъ, и они, можетъ быть, расскажутъ вамъ, съ какими мученіями, съ какими тяжелыми колебаніями, съ какими непріятностями соединенъ былъ путь къ этимъ стяжаніямъ. Красивъ видъ владѣнія; но исторія его пріобрѣтенія многосложная повѣсть, смоченная потомъ и слезами.

Рядъ хлопотъ и безпокойствъ не кончается у любостяжательнаго, когда вы видите его владѣльцемъ богатства, дающаго ему средства для роскошной жизни. И тогда, по слову

Еклезіаста, нѣтъ у него мирнаго сна: простой работникъ, сладко засыпающій послѣ дневнаго труда и послѣ своей скудной трапезы, кажется ему счастливѣе богача, который не можетъ беззаботно уснуть и послѣ своего роскошнаго стола. Чѣмъ больше и разнообразіе его имущество, тѣмъ больше безпокойныхъ заботъ возлагаетъ оно, и изъ за него корыстолюбецъ суетится больше, чѣмъ человѣкъ, поденною работою добывающій себѣ кусокъ хлѣба. Его отягощаютъ и избытки его приобрѣтеній: ими онъ болѣе озабоченъ, чѣмъ другой удовлетвореніемъ насущныхъ нуждъ своихъ. Страсть не позволяетъ ему пользоваться ими съ спокойнымъ духомъ и съ благодарностію Богу, все обильно дающему намъ. Новыя приобрѣтенія рождаютъ въ немъ новыя болѣзни: какъ лучше распорядиться ими, куда дѣть ихъ, чтобы они приносили большій процентъ? Онъ отдаетъ ихъ въ частное казнохранилище, и съ безпокойствомъ освѣдомляется, надежны ли дѣла этого казнохранилища. Если пронесется какой либо слухъ, неблагопріятный для того учрежденія, въ которомъ онъ участвуетъ своимъ капиталомъ (ложный или справедливый,—это все равно), онъ не спитъ ночей, спѣдается жалостію, зачѣмъ вложилъ свой капиталъ въ то учрежденіе, которому угрожаетъ, можетъ быть, мнимая опасность, и мучится опасеніями за воображаемую потерю болѣе, чѣмъ за дѣйствительную. Даль онъ сеуду частному лицу; тутъ опять заботы о томъ, вѣрны ли залогъ, безъ которыхъ корыстолюбецъ не расположенъ давать въ займы другому, исправенъ ли будетъ должникъ. Приходитъ срокъ уплаты долга,—съ каждымъ днемъ приближенія этого срока увеличивается въ душѣ тревога, и ей нѣтъ мѣры, когда нѣтъ условленной платы въ опредѣленный срокъ, и когда при этомъ нельзя воспользоваться залогомъ. Обращаетъ въ домъ свой капиталъ любостяжатель? Его тяготятъ неизбежныя расходы для поддержанія дома, понъ, какъ

послѣдній бѣднякъ, ропщетъ и жалуется на тѣ налоги, какіе взымаетъ съ него казна или общественное управленіе. Мѣсяць или два стоятъ пустыми его помѣщенія,—онъ вздыхаетъ и оплакиваетъ свои потери; заняты его помѣщенія,—опять горе: то кажется ему, что онъ мало, меньше другихъ беретъ за эти помѣщенія; то неисправно доставляютъ ему плату за наемъ, то неаккуратно содержать домъ, то предъявляютъ требованія, для удовлетворенія которыхъ необходимы новыя затраты. Есть у него поле или нивы? Онъ не радъ ведру; при немъ грезится ему засуха; онъ боится и тучи: малѣйшее облаво ему угрожаетъ градомъ. И не перечесть, сколько онъ выстрадаетъ въ періодъ отъ сѣянія до собиранія плодовъ. Но вотъ онъ собралъ обильную жатву. Снова тоскливыя мысли; при урожаѣ понижается цѣна на произведенія земли, и убавляется требованіе на нихъ. Что же дѣлать? Куда дѣть собранное? «Кто не пожалѣетъ (скажемъ словами св. Василія Великаго¹⁾),—кто не пожалѣетъ о человѣкѣ, который находится въ такомъ стѣснительномъ положеніи? Жалкимъ дѣлаетъ его урожай, жалкимъ дѣлаютъ настоящія блага, и еще болѣе жалкимъ дѣлаетъ ожидаемое. Земля ему приноситъ не дары, но произращаетъ воздыханія; не урожай плодовъ доставляетъ она, но заботы и скорби и страшное затрудненіе. Онъ сѣтуетъ подобно бѣднякамъ, и не то же ли самое слышимъ отъ него, что и отъ человѣка, стѣсненнаго ницетою? *Что сотворю? Откуда возьму пропитаніе? Откуда возьму одежду?* Тоже говоритъ и богатый, мучится въ сердцѣ, свѣдаемый заботою. Что веселитъ другихъ, отъ того сохнетъ любостяжательный: не радуется его, что все у него въ домѣ наполнено; но текущее къ нему и льющееся чрезъ края хранилищъ богатство язвляетъ душу

1) Бес. на слова изъ Евангелія отъ Луки (XII, 18): *разорю житницы моя и большія созижду, и о любостяжательности.*

его, опасеніемъ, чтобы не перепало чего нибудь постороннимъ». При такомъ настроеніи даже посѣщеніе желаннаго друга кажется любостяжателю зловѣщимъ. Сердцу, погрязшему въ стяжаніяхъ, такъ и чувствуется, что этотъ другъ пришелъ за его добромъ, и еще нѣтъ объ этомъ и намека, а онъ уже подбieraетъ въ головѣ своей разные предлоги, подъ которыми бы благовидно можно было отказать воображаемой просьбѣ. Не даромъ премудрый сынъ Сираховъ замѣчалъ, что богатство или забота о немъ изнуряетъ и иссушаетъ плоть человѣка, и окруженный видимымъ довольствомъ дѣлается топчимъ, сухимъ и болѣзненнымъ (Сир. XXXI, 1).

Что же бываетъ концемъ или плодомъ такихъ изсушающихъ и изнуряющихъ заботъ о богатствѣ? На это отвѣчаетъ Соломонъ словами: *погибнетъ богатство оно въ попеченіи лукавнѣ; и роди сына, и нѣсть въ руцѣ его ничтоже*. Не съ вѣтру взято, не выдумано зря это слово Екклезіаста. Каждому изъ насъ память можетъ указать не одного человѣка, который цѣлую жизнь собиралъ и копилъ себѣ богатство, подвергалъ себя изъ-за него разнымъ неприятностямъ, отказывалъ себѣ не только въ полезномъ и пріятномъ, но и въ необходимомъ, предполагая насладиться въ будущемъ. И что же? Случайная ярость стихій, или военное смятеніе, или хищническая дерзость татей, или ловкій обманъ людей вечестныхъ постигаютъ его, и человѣкъ въ одинъ мигъ потерялъ все, нажитое годами страданій и лишеній, и въ этомъ состояніи испытываетъ такую горестъ, о какой и не имѣетъ понятія бѣднякъ, ничего не имѣющій,—и возбуждаетъ тѣмъ большую жалость, чѣмъ больше его сердце лежало къ потерявшему сокровищу. Или вдругъ умираетъ стяжатель, почивавшій на сокровищахъ,—и прахомъ разлетается по воздуху бережно хранное богатство, попадаетъ въ злыя или расточительныя руки, и, разбиваясь на мелкія части, безслѣдно исчезаетъ въ общемъ

круговоротъ жизни,—и не вызвано имъ ни слова благодарности, ни чувства удовольствія.—Но не нужно быть непременно этой случайности, чтобы оправдалось слово Соломона и погибало богатство, хранимое въ рукахъ стяжателя. Кромѣ ярости стихій, кромѣ руки тати, кромѣ смерти есть еще хищникъ, болѣе близкій къ стяжателю и болѣе опасный для него,—это самая страсть корыстолюбія. Когда усиливается она (а она усиливается непременно по мѣрѣ накопленія сокровищъ въ рукахъ человѣка), она дѣлается жестокимъ и немилосерднымъ тирапомъ. По ся велѣнію, богатство изъ подвижнаго средства къ удовлетворенію потребностей претворяется въ мертвый и неподвижный капиталъ, котораго боится коснуться самъ обладатель, хотя бы онъ разрастался въ цѣлую гору, и хотя бы открывались у обладателя его самыя настоятельныя нужды. Все для будущаго, существующаго въ неопредѣленной дали, трудится любостяжатель, а въ настоящемъ, которымъ мы живемъ, онъ почти ничѣмъ не пользуется, боясь тратами на что либо уменьшить или сократить любимое имъ богатство. У себя самаго крадетъ онъ, отъ себя самаго бережеть онъ свое имѣніе, чтобы не употребить его на какое либо добро. И вотъ среди изобилія богатствъ у него множество лишений, неизвѣстныхъ и бѣдному. Бѣдный, свободный отъ корыстолюбія, пріобрѣлъ немногое, употребивъ это на пищу и одежду, и пользуется тѣмъ во славу и благодареніе Богу. А богатому корыстолюбцу жаль разстаться и съ частию избытковъ своихъ, когда жизнь и тѣло заявляютъ предъ нимъ свои требованія, и чувство горечи примѣшивается у него ко всѣмъ удовольствіямъ, требующимъ денегъ. Самая сладкая пища дѣлается для него горькою, когда онъ подумаетъ, что эта пища куплена цѣною уменьшенія его имѣнія. Каждая новая одежда мучитъ и смущаетъ его болѣе, чѣмъ ветхая и раздранная; потому что напоминаетъ ему о неприятныхъ для него расходахъ. Нѣтъ

вещи въ мірѣ, на которую бы онъ съ охотою и радостію промѣнялъ хоть малѣйшую часть своего богатства. Ему хочется, чтобы все передъ нимъ превратилось въ золото или денежные бумаги, приносящая ростъ, и чтобы это золото или эти бумаги не убавлялись, а съ каждымъ годомъ, если не днемъ, возрастали и увеличивались. Но что за польза, что за удовольствие смотрѣть на золото или денежные бумаги, и не пользоваться ими? Знать, что они есть у меня, и бояться прикоснуться къ нимъ? Не неразуміе ли, не наказаніе ли, не самобичеваніе ли это? Это все равно, какъ еслибы человѣкъ стоялъ надъ водою, чувствовалъ сильнѣйшую жажду, и не смѣлъ пить воду, предъ нимъ открытую,—былъ окруженъ роскошными яствами, и не могъ удовлетворять ими своего голода, видѣлъ предъ собою одежды, и не могъ прикрыть ими наготы своей.

Отъ человѣка, подвергающаго себя добровольнымъ лишеніямъ при большомъ богатствѣ, не ожидайте добра и для другихъ. Любостяжатель хочетъ, чтобы ему другіе давали что нужно, а самъ онъ не раскрываетъ для ближняго своихъ сокровищъ. Мы не говоримъ уже о постороннихъ, поддерживать которыхъ онъ не считаетъ прямою своею обязанностію. Отъ него терпятъ незаслуженную нужду его домашніе, и онъ не хочетъ раздѣлять съ ними радостей жизни, какія могли бы быть доступны для него по его состоянію. Родилъ онъ сына,—это Божіе благословеніе для него служитъ наказаніемъ, и онъ не радъ ему; потому что одно явленіе его заставляетъ его тревожить свои сокровища. Возрастаетъ этотъ сынъ,—въ рукахъ его ничтоже, по слову Екклесіаста. Любостяжатель стѣсняетъ, ограничиваетъ его желанія и потребности, и сынъ любостяжательнаго богача часто больше нуждается, чѣмъ сынъ человѣка малоимущаго, но готовато все удѣлить своему порожденію. Въ годы юности заброшено бываетъ его воспитаніе и образованіе, когда у его родителя деньги считаются дороже

всего на свѣтъ, и въ этомъ слѣпая отцовская корысть напо-
сильтъ такой уронъ сыновнему благу, котораго потомъ нельзя
будеть вознаградить и замѣнить никакими тысячами позднѣй-
шаго наслѣдства.

Какія тщетныя стремленія и заботы у человѣка (думаетъ
при видѣ богатства, бережно хранимаго въ рукахъ стяжателя,
руководящій нами вселенскій проповѣдникъ)! Сколько ни люби
онъ свое сокровище,---оно не сдѣлается частію его существа,
ничѣмъ не наполнить пустой души его! Сколько ни прижи-
май его къ своему сердцу, оно не дастъ ему никакого отъли-
ка, не повѣстъ на него живительною теплотою. *Якоже изыде
изъ чрева матере своя кая, возвратится ити, якоже при-
иде, и ничтоже возьметъ отъ труда своего, да понесетъ въ
руцѣ своей. И кая польза ему, яко трудится на оттры?*
Бьется онъ изо всѣхъ силъ, собирая имѣніе, терпитъ лишения,
не имѣетъ мирнаго сна, оберегая его. А изъ за чего? Когда
небудь нужно будетъ разстаться съ нимъ. Онъ не возьметъ
его съ собой въ могилу, и оно не продолжитъ ему жизни,
не улучшить и не украсить его положенія за гробомъ. Не-
многого понадобится ему изъ его имѣнія, когда придетъ оче-
редь сводить итоги всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ
теченіе всей суетливой жизни. Двѣ или три доски для гроба,
которыя всегда найдутся и для бѣднаго, и нѣсколько локтей
земли для прикрытія охладѣвшаго трупа. Можетъ быть, за
скопленное богатство почтять стяжателя пышными похоронами,
бархатомъ украсятъ гробъ его, съ ликами и тимпанами въ
торжественной процессіи проводятъ его на кладбище для со-
крытія въ нѣдрахъ земли. Но ужели богатство стяжателя со-
бирается и сберегается для такой чести, которая для него
равно не имѣетъ никакого значенія, и которой онъ уже не
можетъ чувствовать? Чѣмъ собирать это гибнущее богатство,
не лучше ли заботиться о душѣ своей и ее обогащать добрыми

дѣлами, съ которыми она можетъ идти и на тотъ свѣтъ, и которыя могутъ привлечь на неѣ благословеніе общаго Судн всѣхъ въ страшный день послѣдняго суда? И имѣніе, собранное въ рукахъ нашихъ, можетъ быть средствомъ къ такому обогащенію. Только не прилѣпляйся къ нему сердцемъ, не держи его безъ пользы въ сундукахъ казнохранилища. Отвержи его любовію, и ты увидишь, какъ много добрыхъ плодовъ принесетъ оно, какъ много сердець расположитъ въ тебѣ, какъ много молитвъ будетъ возсылаться за тебя! Ты почувствуешь, что самъ Богъ съ благоволеніемъ будетъ взирать на тебя, какъ на вѣрнаго пристаивика дому своего: это благоволеніе оградитъ въ тебѣ тѣмъ благодатнымъ миромъ и спокойствіемъ, которыхъ напрасно ищеть себялюбивый корыстолюбець, думающій утаить отъ Всевѣдущаго дары, данныя ему для добраго употребленія. Господь къ Себѣ относитъ все то, что мы по чувству челоѣколюбія даемъ алчущему, жаждущему, больному и заключенному въ темницѣ, и обѣщаетъ царство небное въ награду тому, кто не оставляетъ безъ призора меньшихъ братій своихъ, и употребляетъ часть избытка своего на облегченіе нужды ихъ (Матѣ. XXV, 34—36). Помни это обѣтованіе, христіанинъ, и не затворяй для себя своєю корыстію обѣтованнаго тебѣ царства. Если тебя смущаетъ при этомъ опасеніе за свое собственное благосостояніе въ случаѣ троей щедрости, предписываемой тебѣ Господемъ и закономъ любви, успокойся тѣмъ, оправданнымъ многолѣтними опытами, зафривіемъ, по которому *рука дающая не оскудѣетъ. Я не видѣлъ праведника оставленнымъ* (говорилъ св. Давидъ), и *дѣтей его просищими хлѣба* (Псал, XXXVI, 25). Амѣнь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

*Вижьдъ, имънній рачителю, силъ ради удавленіе употре-
бивша: бѣжи насытыя души, Учителю таковая дерзнувшія.*

Троп. на великій четвертовъ.

Вотъ къ чему приводитъ страсть любостязанія! Апостоль, одинъ изъ двѣнадцати, удостоенный особенной близости къ Господу, раздѣлявшій съ Нимъ труды и бесѣды, участвовавшій въ вечери Его, тотчасъ же послѣ вечери дѣлается предателемъ своего Учителя, въ надеждѣ получить за это нѣсколько сребренниковъ, и затѣмъ, отъ признанія своего низкаго поступка, послужившаго началомъ неправеднаго суда и жестокой, поносной казни Праведника, приходятъ въ страшное угрызеніе совѣсти и отчаяніе, и подъ давленіемъ тяжелыхъ мыслей налагаетъ на себя руки и впадаетъ во дно адаво. А мы такъ легко относимся къ этой страсти и думаемъ, что любовь и стремленіе къ стяжаніямъ дѣло безопасное, что, нося эту страсть въ сердцѣ, мы можемъ быть людьми чистыми и далеки отъ пути погубительнаго.

Нѣтъ, путь, на который любостязаніе привело Іуду и по которому онъ дошелъ до своего ужаснаго жребія,—путь всѣхъ корыстолюбцевъ. Одинъ идетъ по нему быстрѣе, другой медленнѣе; одинъ проходитъ половину этого пути, другой меньшую, третій большую часть его. Но сколько бы стадій ни прошелъ кто по нему, для всѣхъ онъ опасенъ и всѣмъ угрожаетъ гибелію. И ты, мой ближній, если дорожишь цѣлостію души своей и заботишься о ея благѣ, смотри на примѣръ Іуды и избѣгай его опаснаго и губительнаго пути.

Страсть Іудина незамѣтно можетъ вторгнуться въ душу; но, вторгшись въ душу, она сильна отнять у нея ея богозданную красоту, честь, правду и добродѣтель, и исказить ея чистый ликъ. При

ней уже не свободна душа: какъ въ тѣлѣ, пораженномъ язвою, въ ней чувствуется болѣзненный зудъ, къ узавленному мѣсту невольно приковывается ея напряженное вниманіе, и теряется въ ней тогъ широкій открытый взоръ, который она, въ свободѣ отъ прилога страсти, съ полною преданностію обращала къ Богу, съ полными благожеланіями къ ближнему своему, и съ полнымъ спокойствіемъ на жребій, ей предуказанный. Темные помыслы, одинъ за другимъ, возникаютъ въ душѣ, объятай страстію, и хотя они не переходятъ въ дѣйствіе, оставаясь только помыслами, — одно явленіе ихъ на поверхности души уже отгоняетъ чистоту сердечную, стѣсняетъ и давитъ святые желанія, выходящіи изъ области денежныхъ или матеріальныхъ интересовъ. А кто знаетъ, куда поведетъ или чѣмъ разрѣшится частое возникновеніе ихъ во внутреннемъ мірѣ души вашей, при извѣстной слабости нашей воли? Отъ опасныхъ дѣйствій любостязательной страсти не спасаетъ ни видимое благочестіе, ни естественная честность, которая нынѣ многими ставится выше благочестія. Мы можемъ съ полнымъ самодовольствомъ заглядывать въ свою душу, не осверженную черными прѣступленіями, а жало страсти, малое и невидное даже для насъ, незамѣтно пускаетъ въ наше сердце свой разрушительный ядъ. Мы руководимся честными правилами жизни; насъ не могутъ упрекнуть въ открытыхъ нарушеніяхъ закона и долга по отношенію къ ближнему. Но на путяхъ жизни столько разныхъ столкновеній, столько непредвидѣнныхъ искушеній, что можетъ спотыкаться самая хваленая и самонадѣянная честность, когда любостязательный расчетъ будетъ оказывать давленіе на нашу волю. Душѣ человѣка, постоянно дѣйствующей и движущейся, невозможно стоять на одномъ мѣстѣ: она или возвышается и идетъ къ совершенству, или понижается и падаетъ. Возвышеніе ея легко и удобно, когда она освобождается отъ всѣхъ пристрастій, притягивающихъ ее долу, когда

она охотно жертвуетъ всёю своимъ и Богу, и людямъ, и вмѣсто бременной тяжести плоти приобрѣтаетъ ангельскія крылья любви, самоотверженной и благотворительной. Но любостязаніе, какъ всёю намъ хорошо извѣстно, сдерживаетъ руку, готовую приносить жертву для Бога и для блага ближняго; оно, напротивъ, само требуетъ жертвъ отъ другихъ, и какъ камень, повѣшенный на шею, тянетъ своего обладателя внизъ, къ землѣ, изъ когорой добывается все, составляющее предметъ желаній и радости сребролюбца.—Въ Евангеліи упоминается одинъ богатый юноша, могущій служить примѣромъ того, что значить, и какъ опасна любовь къ стяжаніямъ, при видимой безупречности человѣка. Онъ не сознавалъ за собою никакого пятна; ни въ чемъ не могли упрекнуть его и другіе. Не боясь упрека въ лицемеріи, онъ открыто свидѣтельствовалъ предъ Спасителемъ, что постоянно старался соблюдать всё заповѣди закона Божія. Но этого было мало для него: онъ хотѣлъ высшаго совершенства и, движимый этимъ достойнымъ желаніемъ, подходитъ къ Учителю (Господу Іисусу Христу), и спрашиваетъ Его, что еще нужно сдѣлать, чтобы наследовать животъ вѣчный. Спаситель (сказано въ Евангеліи, Марк. X, 21) съ любовію посмотрѣлъ на этого ревнителя добродѣтели. Видно было, что желаніе высшаго нравственнаго совершенства съ его стороны было искреннее и сердечное. Но что же? Когда Спаситель сказалъ ему: *аще хочешь совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаша сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѣ. XIX, 21), ревнитель благочестія, выслушавши это, съ скорбію отошелъ отъ Спасителя; потому что имѣлъ большія стяжанія, съ которыми не хотѣлось ему разстаться (Матѣ. XIX, 16—22. Марк. X, 17—22. Лук. XVIII, 18—23). Спасительный совѣтъ коснулся дремавшей въ немъ страсти, и она послужила препятствіемъ къ высшему преуспѣванію юноши, своею жизнію и

своими добрыми стремленіями обратившаго было на себя благосклонное вниманіе Господа. Помысль корыстолюбія, какъ черная туча, омрачила ясное небо его души,—и уже не стало въ ней прежней чистоты и совершенства. Пропали въ ней возвышенныя стремленія: человекъ вмѣсто духа, возносившагося къ небу, сталъ перстію земной, падающею долу. Отъ любви и пристрастія къ богатству началось паденіе нравственнаго юноши съ видимой высоты, на которой стоялъ онъ, и она, эта любовь къ богатству, затруднила ему путь въ царство Божіе. Видя, какъ скоро и легко богатый юноша промѣнялъ животь вѣчный, имъ искомый, на временныя стяжанія, ему доставшіяся, Спаситель замѣтилъ къ общему назиданію всѣхъ послѣдующихъ поколѣній: *какъ трудно имѣющимъ богатство (или собственно пристрастнымъ къ богатству) войти въ царствіе Божіе! Ибо удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе* (Лук. XVIII, 24—25).

Не въ одномъ отдаленномъ примѣрѣ евангельскаго юноши,—въ явленіяхъ, насъ окружающихъ, вы можете видѣть, какъ часто любостяжаніе отнимаетъ у чести и добродѣтели многихъ достойныхъ членовъ общества. Вотъ человекъ, начинающій службу обществу или государству, полный самыхъ честныхъ намѣреній и усердія къ дѣлу. Его одушевленіе къ общему благу, его ревность во правдѣ обращаютъ на него вниманіе, у всѣхъ списываютъ ему расположеніе и уваженіе и возбуждаютъ большія надежды. Но не успѣли вы налюбоваться добрымъ началомъ служенія, какъ человека, возбудившаго большія ожиданія, заставляютъ свернуть съ красной дороги чести и правды подкравшіяся къ нему любостяжательныя помыслы. То у него являются нужды, которымъ онъ затрудняется удовлетворять изъ получаемаго имъ содержанія; то къ нему обращаютъ требованія, превышающія его средства,

домашніе. То онъ видитъ, что другіе люди въ его положеніи, съ менѣе щекотливою совѣстію, живутъ лучше—достаточнѣе и веселѣе, чѣмъ онъ; то его соблазняетъ легкость наживы отъ приношеній, такъ знакомыхъ нашимъ прежнимъ служилымъ людямъ. И онъ, вслѣдствіе побужденій подобнаго рода, вступаетъ на путь, прежде такъ ему противный, сначала съ колебаніями и робостію, а потомъ смѣло и беззастрѣчно идетъ по нему, медля дѣлать должное безъ вещественныхъ поощреній къ этому, и мало по малу привыкаетъ торговать закономъ, злоупотреблять властію и совершать неправду тамъ, куда являються люди для возстановленія нарушенной правды. Исторія эта еще въ свѣжѣй памяти у насъ, и мы готовы поклоняться, какъ необыкновенному человѣку, тому дѣятелю правды, который твердо и неуклонно держитъ знамя безкорыстнаго служенія обществу, и другихъ увлекаетъ за собою.—Или обратите вниманіе на другой путь жизни, на которомъ совершается торговая мѣна произведеній земли и рукъ человѣческихъ. Это такой же честный и достойный родъ служенія обществу, какъ и другіе пути и званія общественныя. Но духъ корысти, любящій витать около этого пути, производитъ то, что часто, по слову Сираха, среди продаванія и купли совершается грѣхъ, какъ между связью камней вонзается коль (Сир. XXVII, 2), и на мѣстѣ честной мѣны вещей произрастаетъ обманъ.—Итакъ бѣги любостыжанія, братъ мой, гдѣ бы ты ни былъ поставленъ, если хочешь сохранить чистою свою душу, честнымъ и безупречнымъ свое имя и служеніе.

Расширяемъ кругозоръ и представимъ, что дѣлается не въ одномъ человѣкѣ, а въ цѣломъ поколѣніи или народѣ, въ которомъ любостыжаніе, даже не развившееся до послѣднихъ степеней, получаетъ значеніе главной опредѣляющей силы всѣхъ дѣйствій. Среди него растутъ плевелы недовольства, сѣмье неудовлетворенными стяжательными желаніями. Въ немъ глож-

нуть небесныя насажденія, — стремленія къ высшему благу, исканіе святой истины для насыщенія души, забота объ охраненіи вѣрующаго сердца и воспитаніи духовнаго человѣка; потому что выдвигаются на верхъ плотскія, матеріальныя желанія и расчеты. Въ немъ не видны, въ немъ вымираютъ герои, приносящіе жертвы на алтарь отечества, скромно совершающіе всякія дѣла, по сознанію долга, безъ всякихъ расчетовъ на вознагражденіе. А такія лица составляютъ украшеніе родовъ и поколѣній; это то святое сѣмя, которымъ стоитъ и которымъ движется впередъ историческій народъ. Въмѣсто нихъ являютя наемники, въ трудѣ которыхъ нѣтъ одушевленія, нѣтъ полной преданности дѣлу, къ которому они приставлены. Среди него не видно подвига, блистательнаго дѣла, въ которое тотъ или другой человѣкъ изъ народа или поволенія полагаетъ всю свою душу, которому онъ отдаетъ всю свою любовь. Въмѣсто подвига вы видите бездушную работу: она можетъ быть болѣе или менѣе исправна, но въ ней нѣтъ души, величія и силы. А жизнь безъ подвига, при всей механической исправности ея отпавленій, не веселитъ взора историка и не возбуждаетъ надеждъ въ любителей человѣчества. Не ожидайте отъ него безкорыстной преданности общему благу. Личный интересъ для него дороже всего, и имъ онъ не пожертвуетъ благу народа, когда того будетъ требовать общественная нужда. Среди него, и при опасностяхъ отечества, можно купить измѣну и предательство, и изъ самыхъ бѣдствій своего народа представители зараженнаго любостязаніемъ поколѣнія стараются извлекать себѣ выгоду. Исторія представляетъ частыя бранныя столкновенія народовъ: при этихъ столкновеніяхъ самыми зловѣщими признаками для народа служатъ не случайныя пораженія, послѣ которыхъ возможно поправленіе, а умноженіе въ немъ продажныхъ душъ, бьющихся болѣе любовью

къ деньгамъ, чѣмъ любовію къ отечеству; потому что это выраженіе внутренняго разложенія народной силы.

Но пойдѣмъ далѣе по слѣдамъ, оставляемымъ въ жизни страстію любостыжанія. Усиливаясь, она не только отнимаетъ у человѣка честь, правду и чистоту души, не только ослабляетъ силы, поднимающія народъ на высоту исторіи, но влечетъ человѣка въ бѣдствіе и пагубу и приводитъ къ преступленіямъ, совершенно разстроивающимъ законный порядокъ жизни.

Хотящій богатится, по слову апостола Павла, упадаетъ въ напасть и споты, и въ похоти многи несмысленны и вреждающія, лже погружаютъ человека во всегубительство и пагубу (1 Тим. VI, 9). Поработивши себѣ душу, стяжательная страсть много самолюбивыхъ желаній раждаетъ въ ней и заставляетъ ее служить этимъ желаніямъ, не соображая послѣдствій, къ какимъ приводятъ эти желанія. Ненасытный глазъ ея не довольствуется тѣмъ, что принадлежитъ ей по праву: зорко высматривая то, чѣмъ можно увеличить сдѣланныя пріобрѣтенія, она вынуждаетъ человѣка дѣлать посягательство на чужое или общественное добро, въѣренное его охраненію или распоряженію, если это можно сдѣлать безъ видимаго соблазна. Не можетъ не тревожить совѣсть душу человѣка за нарушеніе требованій правды или закона. А если и смолкнетъ совѣсть или заглушится ея голосъ шумомъ страсти или расчетами поврежденнаго разсудка,—будетъ преслѣдовать нарушившаго право боязнь, какъ бы не открылась нечистота его поступка, и онъ долженъ думать о мѣрахъ къ сокращенію нечистоты своего дѣянія. Привычка побѣдить боязнь; но въ то время, когда человѣкъ чувствуетъ себя безопаснымъ и спокойнымъ, какой либо случай открываетъ многое, совершенное въ тайнѣ, и нечаянно приходитъ пагуба: преслѣдованіе отъ закона, взысканіе отъ власти презрѣніе отъ общественнаго мнѣнія. И тогда-то люди, при видѣ той дебри, въ какую за-

влекла ихъ страсть, съ малодушія и отчаянія, по примѣру Іуды, готовы бываютъ положить на себя руки, проеливая день, приведшій ихъ на путь беззаконія.— Или стоитъ на пути человѣку, при его стремленіи къ стяжаніямъ, его ближній, по праву наслѣдства или по праву собственности желающій удержать часть богатства, его прельстившую или вужную ему для округленія его имѣній. Любостяжаніе вооружаетъ его противъ брата своего и гонитъ далеко отъ него тотъ сладкій міръ, дороже котораго едвали что есть на землѣ. Поднимаются ссоры, жалобы и тяжбы, въ которыхъ, какъ въ сѣтяхъ, запутывается человѣкъ, и которыя истощаютъ его, часто не доводя до желанной цѣли. И вотъ, на открытомъ попріщѣ жизни, какъ хищные звѣри, рвутъ иногда другъ друга близкіе люди изъ-за какого либо мегалла или куска, не могущаго дать имъ никакого блага.— Нѣтъ такой крѣпкой и священной связи, которой бы не могла порвать темная сила любостяжанія. На что ближе людей, возросшихъ подъ одною отеческою кровлею, вскормленныхъ однимъ молокомъ матернимъ? Но подъ давленіемъ страсти любостяжанія связанные узами природы дѣлаются отъявленными врагами, и вмѣсто ласки и привѣта шлютъ другъ другу брань, обиды и ненависть, когда раздѣляютъ между собою общее наслѣдіе. Нѣтъ священнаго отношенія, какъ отношеніе родителей къ дѣтямъ, и дѣтей къ родителямъ. Но и вѣжное материнское сердце, когда сдавить его тяжелая страсть денеголюбія, перестаетъ биться любовію къ своему порожденію, черствѣетъ и иссушается. Но и сыновнее почтеніе, вложенное въ душу самою природою, часто исчезаетъ, когда страсть къ стяжаніямъ встрѣчаетъ противодѣйствіе въ волѣ родительской.

Хотите ли видѣть еще яснѣе вредоносную силу любостяжанія? Посмотрите на избитые пути порока, на которыхъ собрано отребіе человѣчества, и на которыхъ правосудіе строго преслѣдуетъ виновныхъ нарушителей закона и общественнаго

спокойствія. Что увлекло въ эту бездну людей, прежде бывшихъ невинными? Что сдѣлало ихъ нетерпимыми въ благоустроенномъ обществѣ? Не любостыжаніе ли? Откуда разные виды татбы? Откуда разбои и грабительства? Откуда святотатства? Откуда большая часть смертоубійствъ? Не изъ этой ли страсти? И что въ обыкновенномъ быту болѣе всего угрожаетъ нашей безопасности, если не дикіе разливы хищнической страсти, овладѣвшей испорченною волею? Не будь сдерживающей варты закона, отъ напора этой страсти рушился бы порядокъ общественный, ограждающій наши права и нашу собственность. А если бы изгнана была она изъ сердца человѣческаго, опустѣли бы наши тюрьмы, меньше дѣла было бы карающему правосудію. Большинство тѣхъ людей, которыхъ вы видите въ узахъ, которыхъ заключаютъ въ темницы, которыхъ удаляютъ въ ссылку отъ общества человѣческаго, доведено было до этого жалкаго жребія тѣмъ, что темная страсть вынуждала ихъ посягать на чужое добро и пріобрѣтать его путемъ беззаконія. Не одна бѣдность, не одно невѣжество попадаетъ на эти пути. На нихъ встрѣчаетъ правосудіе, вмѣстѣ съ людьми, доведенными до порока нуждою и грубостію, и людей, защищенныхъ просвѣщеніемъ отъ грубаго разлива страсти, и не къ чести нашего времени, при возбужденномъ стремленіи къ быстрому обогащенію, подобныя явленія довольно часто стали поражать взоръ наблюдателя. Печатная молва не перестаетъ разносить по свѣту разятельныя извѣстія о крупныхъ хищеніяхъ, совершаемыхъ людьми, принадлежащими къ кругамъ, не лишеннымъ образованія, или о злодѣянιάхъ, совершенныхъ изъ корысти, и доводящихъ до сѣмьи подсудимыхъ видныхъ представителей общества. Въ бездну порока, въ тяжкимъ преступленіямъ увлекаются страстію люди не одной низкой доли, но и высокаго положенія, ущедренные всѣми дарами счастья. Припомните исторію Іезавели, супруги израиль-

оваго царя Ахаава. Что заставило ее убить Навуою, рѣшиться на преступленіе, наиболѣе ненавистное и страшное? Навуою имѣлъ виноградникъ, смежный съ домомъ Ахаава, и ни обмѣномъ, ни продажею не хотѣлъ уступить царю наслѣдія своихъ предковъ, и Іезавель рѣшается извести несчастнаго, чтобы завладѣть его наслѣдіемъ... «Лють звѣрь есть корыстолюбіе (говорилъ когда-то св. Іоаннъ Златоустъ): отсюда гробокопатели, отсюда мужеубійцы; отсюда рати и брани, и какое зло ни назовешь, отсюда оно...» Еще прежде св. Іоанна Златоуста, св. Апостоль Павелъ въ сребролюбіи указывалъ корень всякаго зла (1 Тим. VI, 10). Исторгниите изъ сердца этотъ корень, не будетъ на землѣ тѣхъ золь, какими нынѣ полна она, и какія дѣлаютъ изъ нея мѣсто изгнанія и отверженія.

Мы можемъ спокойно думать и говорить о губительной силѣ любостяжанія. Нами не возобладала она до такой степени, чтобы увлечь насъ на пути порока, преслѣдуемаго закономъ. Возблагодаримъ за это Господа. Но будемъ помнить, что каждая лепта, полученная нами не за труды, а взятая у ближняго обманомъ или вымогательствомъ, уже будетъ склонять вѣсы правды Божіей на сторону нашего осужденія, и будетъ свидѣтельствовать противъ насъ на нелицепріятномъ судѣ Божіемъ. Будемъ помнить, что каждая ссора, начатая изъ-за имѣнія, каждая обида, нанесенная брату нашему по требованію нашихъ корыстныхъ видовъ, кладетъ пятно на наше имя, и показываетъ намъ, что мы не свободны совершенно отъ дѣйствія страсти.

Мы далеки отъ той бездны, въ которую увлекала и увлекаетъ людей несчастныхъ губительная страсть. Но не забудемъ, что тѣ, которыхъ любостяжаніе довело до преступленій, преслѣдуемыхъ и наказываемыхъ закономъ, когда-то были людьми чистыми и невинными. И для нихъ порокъ и преступленіе были страшны и ненавистны. Но увлеченные водоворотомъ

страсти, они сами не замѣтили, какъ, сбившись съ честнаго пути, очутились въ непроходимыхъ дебряхъ и сдѣлались людьми несчастными, какъ называетъ нашъ народъ подпашихъ карѣ правосудія. И Иуда не былъ искони злодѣемъ. Въ его душѣ много было добрыхъ началъ: иначе Господь не приблизилъ бы его къ себѣ, не сдѣлалъ бы однимъ изъ избранныхъ, которымъ Онъ повѣрялъ тайны царствія Божія. Но страсти любостязанія, гиѣздившаяся въ его сердцѣ, убила въ немъ добрыя сѣмена добродѣтели, и въ короткое время довела до пропасти, изъ которой онъ уже не могъ сдѣлать возврата на путь спасенія. Итакъ *миліся стояти блюдется, да не падеть*:

Мы далеки отъ бездны, въ которую низвергло многихъ любостязаніе. Но на насъ лежитъ долгъ не себя только охранять отъ опасныхъ и гибельныхъ путей, но и людей будущаго, то юное поколѣніе, которое мы должны воспитать для царствія Божія. Оно возрастаетъ подъ нашимъ вліяніемъ, учится жить по нашимъ примѣрамъ и нашимъ понятіямъ. Если мы въ его глазахъ будемъ придавать преувеличенное значеніе внѣшнему богатству, въ немъ будемъ полагать главное благо человѣка, если на немъ будетъ сосредоточивать вниманіе молодыхъ воспримчивыхъ душъ, мы тѣмъ самымъ будемъ разжигать въ нихъ страсть къ приобрѣтеніямъ, и какъ бы толкать ихъ на путь, усѣянный колючими ветвями преткновенія и соблазна. При мысли о порчѣ юныхъ душъ, раздражаемыхъ порывами любостязательной страсти, не нужно бояться только грубыхъ злодѣяній. И мелкія заботы и неправды, навѣваемые духомъ корысти, взаимныя пререканія и обиды изъ-за денежныхъ выгодъ, погруженіе въ матеріальные интересы, наемничій трудъ изъ-за денегъ, и только изъ-за денегъ, — надломлять ихъ крѣпость, подавать въ нихъ возвышенныя стремленія, и изъ нихъ образуется поколѣніе безъ силъ

духа, безъ вѣры въ идеалы, безъ одушевленія святыми нача-
лами, вложенными въ нашу безсмертную душу.

Есть одно великое пріобрѣтеніе, которое можетъ предо-
хранить насъ отъ тѣхъ опасныхъ путей, о которыхъ такъ
долго мы разсуждали съ вами. Это великое пріобрѣтеніе ука-
зываетъ св. Апостолъ, какъ противодѣйствіе тѣмъ напастямъ,
въ какія увлекаетъ людей страсть къ стяжаніямъ. Оно со-
стоитъ въ томъ, чтобы быть благочестивыми и довольными
тѣмъ, что мы имѣемъ (1 Тим. VI, 6). Если хотимъ быть
счастливыми и покойными, со всею стремительностію погонимся
за этимъ пріобрѣтеніемъ, и на него не перестанемъ указывать
тѣмъ людямъ, благо и счастье которыхъ близко нашему сердцу.
Аминь.

В. Пшоникій.

